

Статья чл.-корр. РАН Юрия Михайловича Батурина «Охота на Снарка» = Охота на РАН. Попытка осмысления абсурда происходящей реформы Российской академии наук» продолжает серию его публикаций о состоянии и перспективах развития российской науки. Pamфлет, посвященный проблемам, возникшим в связи с реформированием РАН, написан по мотивам одной из самых сложных аллегорических поэм Л. Кэрролла «Охота на Снарка», увидевшей свет 140 лет назад. Эта маленькая поэтическая фантазия до сих пор является предметом серьезных научных исследований и размышлений. Ю. М. Батурин удачно интерпретирует происходящие в поэме события в контексте академической реформы, что актуализирует тему проводимых преобразований и подчеркивает непрофессионализм ответственных за переустройство такой сложной и тонкой системы как академическая наука.

Ю. М. Батурин

«Охота на Снарка» = Охота на РАН. Попытка осмысления абсурда происходящей реформы Российской академии наук*

Поэма Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» — это аллегория или модель высокого уровня абстракции. Такая модель для тех, кто в нее не погружен, воспринимается как нонсенс, бессмыслица. Между тем, когда находишь соответствия элементов модели объектам из реального мира, т. е. задаешь некоторую трактовку, она сразу наполняется смыслом и открывает все больше и больше удивительных деталей и нюансов.

Пусть заданная интерпретация поэмы-модели — реформирование академической науки в России 2013–2016 годов. Чтобы получить прогноз будущего результата этого процесса — охоты на Снарка — опишем произведение Л. Кэрролла подробнее.

Процесс поиска, преследования и выслеживания Снарка структурирован у Л. Кэрролла по главам поэмы, назы-

© Ю. М. Батурин, 2016

* Статья опубликована в научном приложении к «Независимой газете» — «НГ-наука», № 3, 23 марта 2016 года.

ваемым Fits. Этот термин несет в себе двойное значение: 1) стандартное разделение баллады на части (*canto*) судороги, потрясения, стоны. Каждое название из второго, символического набора само по себе очень подходит по смыслу модели, но в различных переводах используются и другие синонимические значения — приступы (Е. Клюев; М. Пухов; А. Москотельников; А. Вышемирский; П. Елохин; С. Афонькин; С. Воля), припадки (С. Жуков; Н. Хлебников), пароксизмы (В. Гандельсман; Н. Светлов), конвульсии (В. Жмудь), напасти (В. Фет), вопли (Г. Кружков; М. Матвеев) и др. Выбранный Л. Кэрролом термин (Fits) удивительно точен в своей многозначности: начавшись буквально с воплей, пройдя через ряд судорожных изменений, сейчас на протяжении времени академическая реформа проявляется в последовательных приступах болезни. По сути, поэма — взгляд на события с точки зрения разных наблюдателей: приступы

реформирования испытывали реформаторы, а потрясения, напасти — реформируемые (ученые); конвульсии, судороги, припадки — объект реформы (наука); вопли испускали некоторые СМИ и т. д. Ссылки на поэму будем давать в квадратных скобках [номер напасти римскими цифрами, следом — порядковая позиция строфы] по английскому оригиналу, поскольку некоторые переводчики иногда немного смещали события и фразы в целях благозвучности перевода.

Цель и место охоты

Герои поэмы, группа снарколов, в жизни — реформаторы академической науки, ловят существо им совершенно неведомое, у Кэрролла названное Снарком, а в случае реформы РАН — научное творчество, свобода творчества, эффективность научного творчества, наконец, удовольствие от творчества. Декларируемая цель охоты — уловить неведомое и описать через как можно большее число околонучных параметров, что сразу сделает науку эффективной.

Охота начинается неизвестно где (сравните карту в «Снарке» [II, 2–4] и дорожную карту науки, выпущенную поначалу ФАНО), но охотники прибывают в странную (для них) землю, состоящую из ущелий и скал [II, 9] — и это, несомненно, территория РАН.

Команда реформаторов

Существует традиция, в соответствии с которой переводчики поэмы (правда, не все) называют всех действующих лиц на букву «Б» как у Кэрролла (“B”). Возможно, для красоты стиха так и следует делать, но мы будем иногда отходить от этого правила в целях более точного следования выбранной модели.

Возглавляющий группу снарколов Балабон (перевод Г. Кружкова) особых возражений не вызывает, но следует обратить внимание, что в оригинале он Bellman — городской глашатай (именно так в переводе М. Фанченко), то есть человек, не самостоятельно провозглашающий цели, а лишь громко ретранслирующий их для публики. Такую роль

играют многие, в том числе некоторые СМИ. Таким образом, Балабон — собирательный персонаж.

В члены команды набраны Болванщик (в его методе работы важны болванки-заготовки), Буквоед-юрист (в оригинале — барристер; без человека с юридической подготовкой закон о реформе РАН, безусловно, не мог быть подготовлен), Брокер (как же без оценщика или торговца имуществом?), Банкир (распределять деньги), Работник Бойни, мясник (Butcher) и Биллиардный маэстро — «отменный игрок — мог любого обчистить до нитки» (перевод Г. Кружкова). И кроме людей — Бобер.

Брокер по ходу действия появляется лишь один раз. Это естественно, после того, как президент страны наложил мораторий на перераспределение имущества РАН, а затем продлил его, оценщику недвижимости ничего не остается как «точить лопату» [IV, 12] и ждать возможности закопать науку.

Матросы (рядовые сотрудники академических институтов) почти не упоминаются, равно как и Рулевой (РАН). В предисловии к «Охоте» Л. Кэрролл пишет: «Рулевой наблюдал за происходящим со слезами на глазах — он-то знал, что это неправильно, но правило: “Никому не позволено обращаться к Рулевому” Глашатай дополнил словами “... и Рулевому не позволено обращаться к кому бы то ни было”». Действительно, после того как ФАНО издало приказ директорам институтов не вступать в переписку с РАН без разрешения Агентства, а равно отказало в праве РАН вести научно-методическое руководство институтами, РАН оказалась в информационном вакууме.

Но есть и главные действующие лица, первым из которых в команде Глашатай реформы называется Башмачник (перевод В. Фета) или Слуга (перевод С. Шоргина), в оригинале Boots — служащий отеля, выполняющий самую неквалифицированную работу, вроде чистки обуви, причем постояльцы самого чистильщика, как принято в отелях, никогда не видят. Этот коридорный, мальчик

на побегушках — давайте в контексте нашей модели назовем его Рядовым ученым, который, собственно, и делает всю Науку (не прорывы в Науке, а подготовка к ним, проверка, обсуждение, обеспечение) — в охоте практически не участвует (лишь точит лопату вместе с Брокером, то есть тоже находится в режиме ожидания), и это должно иметь какое-то объяснение.

Уже потому, что этот Рядовой подносчик снарядов внезапно выпадает из описываемых событий, можно предположить, что он весьма важный персонаж. Его можно назвать символом большой массы ученых, которые молчаливо приняли реформу РАН и сели заполнять бесчисленные листы отчетов, изобретать методы возгонки индекса Хирша и повышения цитируемости, не замечая, что тем самым они отдаляются от свободы творчества и превращаются в особый вид бюрократа — бюрократа ученого. Boots не случайно почти не участвует в приключениях снарколов, потому что изначально, в отличие от реформаторов, он знает, что такое научное творчество, но формально он включен в команду, потому что без подобного пассивного участия реформа (охота на Снарка) была бы невозможна.

Другой важный персонаж — Вакер (Пекарь — в переводе В. Гандельсмана). В противоположность Рядовому ученому его можно назвать Большой ученым. Он, действительно, «выпекает» добротный научный продукт, часть которого известна в научном сообществе именно под его именем (математики знают преобразование пекаря, названное так потому, что напоминает замешивание теста, — разумеется, лишь частный случай, но мы вправе сделать его символом качественного научного результата). Этому Большого ученого убедили, а может быть, и сам он поверил, что в конце реформы науку ждет счастливое будущее, и прикнуд к команде реформаторов.

И, наконец, третий важный персонаж, которого охотники не видели, однако, об опасности которого их предупреждали, — Буджум (Boojum). Это

кризис науки, созданный своими руками на ровном месте. Кэрролл считал, что Буджум невообразим. Возможно, он ошибался. Мы прежде тоже не могли представить, что подобное произойдет. Для того, чтобы представить характер двойственности невообразимого Снарка-Буджума, обратимся к рисунку швейцарского художника Сандро Дель-Пре «Неизвестное существо». Читателю рекомендуется перевернуть рисунок (журнал).

**Рис. 1. Сандро Дель-Пре.
«Неизвестное существо»**

Интересно, что Буджум получается из Снарка путем сложной инверсии. Рассмотрим пока только первую из них — буквальную: Snark — Krans (также crants) — погребальный венки. Ср. у Шекспира в староанглийском написании — crants. Офелии возложены венки (Шекспир, «Гамлет», акт V, сцена 1).

Кроме того, заметим, что Снарк (Буджум) пьет утренний чай, когда в Англии — традиционный фэйв-о-клок, а ужинает на завтрашний день [II, 17]. Это означает, что искать его надо на 8 часовых поясов к западу и на столько же к востоку от Гринвича (к этому признаку вернемся ниже).

Выслеживание дичи

В четвертой судороге Глашатай призывает:

Снарк – серьезная дичь! Уж поверьте, друзья

Предстоит нам совсем не потеха;

Мы должны все, что можно, и все что нельзя,

Совершить, но добиться успеха.

(Пер. Г. Кружкова [IV, 9])

Чтобы добиться успеха, недостаточно допустимых в обществе действий, от участников охоты требуется делать «и все что нельзя». Так, например, против РАН были применены «грязевые атаки».

Арифметическая псевдозадача [V, 16–17] оказывается аналогией знаменитой формулы ФАНО для расчета зарплаты руководителей институтов.

Суть же метода, мной примененного тут,

Объяснить я подробнее готов,

Если есть у вас пара свободных минут И хотя бы крупица мозгов.

(Пер. Г. Кружкова [V, 18])

Дядя Пекаря рекомендовал сервировать Снарка с салатом, но признавал, что Снарк и без него помогает появлению продуктивных идей (глубокий вопрос: необходима ли к свободе творчества некая приправа или она стимулирует озарение сама по себе?)

Снарка искали с тщанием и надеждой. Правда, «был нередко с рулем перепутан бушприт» [II, 7]. Но исполнители реформы истово верили, что если такая цель провозглашена, она должна быть достигнута. К сожалению, они ничего не знали про некорректно поставленные задачи, например, добиться максимального результата при минимальных затратах (все, кто знаком с многокритериальной оптимизацией, хорошо знают, что это невозможно).

Результаты охоты

К концу охоты Снарк все же ускользнул (во всяком случае, позитивных результатов реформы никто не видел) и обернулся кем-то (чем-то) другим, чем неизвестно, но только не научным творчеством.

Большой ученый (Пекарь) к финалу бесследно исчезает. Этот «Безвестный Герой на уступе отвесной скалы» [VIII, 4] встал, выпрямился (erect), превратился в прямую линию, не имеющую толщины, и затем исчез (sublime). Кстати, заметим, что при последовательном применении преобразования пекаря получается разбиение исходной фигуры на все более и более узкие полосы – в пределе линия исчезающей толщины. При этом можно показать, что любая начальная ячейка на поле науки, каковы бы ни были ее размеры, распалась на отдельные несвязные части.

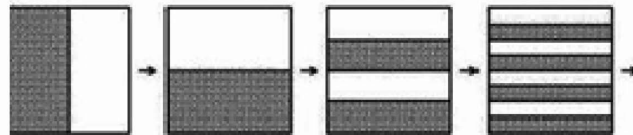

Рис. 2. Преобразование пекаря

Распад науки, по описанию Кэрролла, протекал следующим образом: Большой ученый стал спускаться с утеса в бездну, где увидел желаемую цель, хотя это «выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой» («*seemed almost too good to be true*»).

«Это Снарк!» – долетел к ним ликующий клик,

Смелый зов, искушавший судьбу,

Крик удачи и хохот... и вдруг, через миг,

Ужасающий вопль: «Это – Бууу!...»

(Пер. Г. Кружкова [VIII, 6])

Здесь мы видим вторую (геометрическую) и третью (экзистенциальную) инверсии в процессе превращения Снарка в Буджума. В точке инверсии, где утес конфигурационно переходит в ущелье, Снарк обращается Буджумом, а Пекарь превращается в ничто (инверсия сущности науки).

Пекарь хотел сообщить коллегам результат, но оказался в затруднении – кто перед ним – Воојум или Boots? (Действительно, должен же исчезнув-

ший персонаж появиться к финальной сцене). Вот почему он недоговорил: «*It's a Boo* — » [VIII, 6]. Большой ученый увидел в роли Буджума («отзвук, похожий на 'дзум'» [VIII, 7]) Рядового ученого (*Boots*) и оказался потрясен увиденным. Ученый, поверивший в эффективную науку, выстроенную в соответствии с планом реформы, внезапно понимает, что вместо свободы научного творчества он получает формализованный бюрократический шаблон действий, и попав в его ловушку, пропадает как ученый. Несомненно, реформа к этому и приведет: тонкая прослойка ученых естественным образом исчезнет.

Подлинная цель академической реформы, очевидно, когда-нибудь прояс-

нится неожиданно и очень определенно, как это произошло у английского ботаника Годфри Сайкса, который впервые увидев неизвестное ранее пустынное дерево, почти без ветвей и листьев, воскликнул: «Это определенно Буджум!», тем самым сознательно присвоив ему кэрролловское имя. Тонкий ствол этого экзотического растения (*Idria columnaris*) поднимается вверх иногда до 20 метров. Два-три отростка от ствола, торчащие под самыми неожиданными углами, беспорядочно усеяны короткими колючими безлистными веточками, на концах которых иногда появляются маленькие желтовато-белые цветки. Иногда буджум изгибается и вершиной тонкого ствола уходит в землю.

* * *

Л. Кэрролл дал своему произведению подзаголовок «Агония» (*Agony*) — очень точный в рассматриваемой здесь интерпретации. Когда-нибудь происходящее будет по достоинству оценено Судом истории. Заметим, что в сцене суда (своего рода сцена из будущего, увиденная в вешем сне) сам Снарк (свобода научного творчества) не только выступает в качестве защитника, обеспечивая состязательность юридической процедуры (каждый имеет право на защиту), но и формулирует и даже объявляет приговор: сослать за моря пожизненно (“*Transportation for life*” [VI, 15]). Очевидная аллегория утечки мозгов.

Восемь приступов агонии, и Наука в России может оказаться мертва. И тогда добытый в результате охоты Кранс (инверсированный Снарк) — погребальный венчик для Науки, особы незапятнанной репутации. Если она и не окажется мер-

тва, то почти безжизненна, высохшая как дерево-суккулент, выработавшее особый механизм для получения и экономии влаги, без ветвей и листьев, которые прежде символизировали многочисленные направления отечественной науки.

И здесь мы возвращаемся к указанию искать на расстоянии +/- 8 часовых поясов. Произрастает дерево-буджум только в одном месте — на полуострове Нижняя Калифорния (Мексика; 8 поясов от Гринвича на запад). Наука-буджум — эксклюзив России (8 поясов на восток, и мы попадаем примерно в середину между Калининградом и Камчаткой, фактически граничные точки страны).

Продолжать академическую реформу или набраться смелости, дать себе честный ответ и остановиться? От этого выбора зависит будущее — Наука или... Буджум!

Источники

1. *Carroll L. The Hunting of the Snark.* — In: *The Complete Illustrated Lewis Carroll.* — Chatham, Kent, Wordsworth Editions, 1997, p. 677–699.
2. *Del-Prete S. The Master of Illusions. Pictures to Ponder from a Visual Virtuoso* // Ed. By Koch A. — New York / London, Sterling, 2008, p. 221.